

ВАЛЕРИ БОУМЕН

Возвращение
герцога

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б72

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Valerie Bowman

THE DUKE IS BACK

Перевод с английского *Е.Ю. Елистратовой*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency
и Synopsis Literary Agency.

Боумен, Валери.

Б72 Возвращение герцога : [роман] / Валери Боумен ; [перевод с английского Е. Ю. Елистратовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-158454-2

Единственный, кого когда-нибудь любила София Пейтон, — Филипп Грейсон, — геройски пал на поле брани. Теперь девушке уже все равно, за кого выйти замуж, — почему бы, если семья настаивает, и не за кузена погибшего, унаследовавшего титул герцога Харлоу?

Однако порой чудеса случаются — и однажды в Лондон возвращается Филипп. Ожесточенный, решительный, жаждущий мести и твердо уверенный, что та, ради которой он заставил себя выжить, его хладнокровно предала...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© June Third Enterprises, 2022
© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2024
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-158454-2

Глава 1

Лондон, май 1814 г.

Филипп Грейсон торопился на бал. Для него это был не просто бал — все на него приглашенные считали его погибшим! Роскошная карета, позаимствованная у друга, виконта Клейтона, остановилась перед особняком Кранберри. Светский сезон начался всего две недели назад, но Филипп пока еще нигде не бывал. По правде говоря, он не посещал светских мероприятий уже года три, не меньше. В окошко он увидел, как разодетые в пух и прах светские завсегдатаи спешили к парадным дверям особняка Кранберри.

Филипп нервно сглотнул слюну. Пропасть народу! А в бальном зале будет еще больше. За год он совершенно отвык от толпы, да и окружали его отнюдь не нарядные придворные с бокалами шампанского в руках. Все, что он помнил, — это Испания, поле боя. Лежал на утопанной земле и умирал. В ушах отдавались крики соотечественников, ноздри выжигал пороховой дым, собствен-

ная кровь сочилась в землю — а потом мир вокруг померк.

Филипп стиснул зубы. Сегодня ему лучше гнать от себя подобные мысли. Нужно сосредоточиться. Месяцы ушли у него на то, чтобы подготовиться к этому ответственному моменту, и он справился, но все равно нужно быть начеку. Не трудно представить, как отреагируют присутствующие на тот факт, что законный обладатель титула герцога Харлоу не только жив, но и вполне здоров.

— Готов? — спросила сидевшая напротив леди Теодора, супруга Клейтона, и ободряюще улыбнулась. Доброта этой женщины не уступала ее красоте: темные волосы, живой взгляд серых глаз.

Филипп кивнул:

— Как я рад, что сегодня вы оба будете рядом!

Филипп и Эван Фейрчайлд, теперь виконт Клейтон, были друзьями с детства, а вот с Теей он сблизился лишь в последний год, когда залечивал боевые раны. Она заново познакомила его с конем по кличке Алабастер, которого Клейтон выкупил на аукционе после того, как арабского скакуна вернули в Лондон с континента... с войны.

— Успокойся, — посоветовал Клейтон, — и просто иди за мной.

Лакей распахнул дверцу кареты, и виконт, первым спрыгнув на тротуар, обернулся, чтобы помочь спуститься жене. Филипп последовал за ней, быстро разгладив несуществующие складки на белоснеж-

ной сорочке и черном жилете. Целую вечность не надевал он столь изысканных вечерних костюмов. Армейский капитан, Филипп годами носил только форму, а потом, в имении Клейтонов, одевался по-домашнему.

— Никак не думал, что вернусь сюда, — заметил он с глубоким вздохом, глядя на роскошный особняк так, будто увидел привидение.

— В Кранберри-хаус? — спросила Тея, слегка хмуря брови.

— В Лондон, — поправил ее Филипп и обратился к Клейтону: — Ну что, идем?

Виконт направился к дверям, а тем временем в голове у Филиппа прокручивалось не меньше сотни возможных вариантов развития событий. Как все они отреагируют на его появление? За последние месяцы он продумал каждый из этих вариантов, чтобы подготовиться, но нервы по-прежнему давали о себе знать. Нужно успокоиться! Его сегодняшний выход требовал полной собранности. Почти весь прошлый год он провел в поместье Клейтонов в Девоне, подальше от Лондона и светского общества, чтобы исцелиться физически и душевно. Сегодняшний выход планировался несколько месяцев. Пришло время вернуть себе законное место в обществе.

Его раны заживали быстро, но главный удар настиг его пару месяцев спустя, когда он окреп настолько, чтобы выслушать от Клейтона, что Малькольм, его старший брат, мертв. Более того, добрый

друг Клейтона, маркиз Беллингем — тайный агент министерства внутренних дел, — имел основания предполагать, что Малькольм был убит.

До сегодняшнего дня лишь Клейтон, Тея и Беллингем — для друзей просто Белл — да еще генерал Гримальди, непосредственный начальник Белла в министерстве внутренних дел, знали, что Филипп остался жив. Именно Гримальди, и не далее как сегодня, наконец разрешил ему осторожно дать знать о себе матери. Бедная женщина все это время считала обоих сыновей — других детей в семье не было — погибшими.

И сегодня же, не объясняя причин, Клейтон попросил мать Филиппа навестить его в лондонском доме. И, выйдя в гостиную, он едва не разрыдался, когда увидел выражение ее лица. Бедная женщина без чувств упала на кушетку, и сын бросился к ней, воскликнув:

— Прости, мама! Я не мог сказать тебе раньше!

К счастью, она не стала задавать слишком много вопросов и согласилась сохранить в тайне возвращение сына, пока он не будет готов предстать пред глазами света. Сама же она от души радовалась: обнимала и гладила по голове, словно он все еще был ребенком, а не мужчиной, которому без малого тридцать. Филипп улыбнулся, вспоминая события сегодняшнего дня.

Но была еще одна особа, из-за встречи с которой Филипп волновался не меньше, и она наверня-

ка сейчас здесь, в бальном зале... При мысли о ней его почему-то охватили тревожные и даже мрачные предчувствия.

Филипп глубоко вздохнул. С чего вдруг Гримальди и Белл решили, что действовать нужно именно так? Ну да, фактор внезапности. Их люди будут на сегодняшнем балу, чтобы посмотреть на реакцию кое-кого из гостей, у которых могли быть причины желать Малькольму смерти.

Филипп, Клейтон и Тея поднимались по лестнице величественного особняка, а позади них из подъезжающих карет высаживались все новые гости. К счастью, Филиппа пока никто не узнал: шляпа, плащ и сгущавшиеся сумерки делали его почти что невидимкой, но всего через несколько минут он войдет в дом, а потом и в бальный зал, лакей громко назовет его имя. И тогда...

И тогда, вероятно, развернется ад.

Филипп проглотил застрявший в горле ком. Его взгляд был прикован к спине Эвана. Лучшей защиты не найдешь в целом свете. Супруги Клейтон помогут ему выдержать испытание сегодняшнего вечера.

Младший лакей в парадных дверях едва удостоил Филиппа взглядом, и он с облегчением перевел дух. Избавившись от верхней одежды, все трое направились по парадной лестнице в бальный зал. Перед резными двойными дверями задержали шаг, и Клейтон, ободряюще улыбнувшись, спросил:

— Готов?

Филипп вздернул подбородок и расправил плечи:

— Полагаю, что да.

Тея сжала его локоть:

— Ты их всех сразишь! А мы всегда будем рядом.

Клейтон толкнул двойную дверь в бальный зал и что-то сказал на ухо дворецкому. Тем временем Филипп старательно смотрел прямо перед собой — пятно яркого света, приглушенный гомон собравшейся в зале толпы. Зал — ярко освещенный, шумный, набитый битком. У него перехватило в горле, но он последовал наставлениям Форрестера, который помог ему выжить: сосредоточиться на каждом отдельном моменте, следить за дыханием. *Вдох — выдох. Три, два, один...*

— Лорд и леди Клейтон... герцог Харлоу! — нараспев возвестил дворецкий.

Звучный, уверенный голос — и все же была, решительно была заминка, а потом особый акцент, когда дворецкий произнес его титул. Филипп стиснул зубы. *Вдох — выдох...*

Булавка, упавшая на паркетный пол, наделала бы шуму, как громовой разряд, в установившейся тишине. Болтовня стихла. Музыка оборвалась. Изумленные глаза всех, кто был в зале, устремились на стоявших в дверях женщину и двух мужчин.

Леди Кранберри, в темно-красном платье — цвета клюквы, в полном соответствии с фамили-

ей, — бросилась к ним, не дожидаясь, когда они подойдут приветствовать хозяйку, и сказала дворецкому:

— Хиггинс, должно быть, вы ошиблись, не может быть... — Обернувшись, она взглянула на вошедших, и лицо ее вмиг сделалось мертвенно-бледным. — Ваша... ваша светлость...

Хозяйка бала схватилась унизированной перстнями рукой за горло, а Филипп, улыбнувшись, приветствовал ее кивком и нараспев произнес:

— Леди Кранберри...

Дама почти не изменилась с тех пор, как он в последний раз присутствовал на лондонском балу.

От изумления из ее уст вырвался то ли истерический смешок, то ли сдавленное рыдание, прежде чем она сумела произнести:

— Я понятия не имела... — Ей пришлось даже чуть потрясти головой, чтобы собраться с силами и продолжить: — Добро пожаловать, ваша светлость, добро пожаловать.

Присев в низком реверансе, бедная леди Кранберри, сама не своя от волнения, обернулась к собравшимся и громко произнесла, словно для того, чтобы все знали: она убедилась в этом собственными глазами:

— Итак, герцог Харлоу, Филипп Грейсон, прошу вас, проходите!

Все заговорили разом, сверля его глазами.

Вдох — выдох.

Филипп уверенно кивнул Клейтонам: знал, что друзья очень волнуются за него. Но ведь он этого и ожидал, поэтому подготовился. Хватит прятаться! Он должен отомстить за смерть брата.

Не успели они войти в бальный зал, как от группы гостей в центре отделилась молодая леди в платье цвета сапфира и бросилась им навстречу. Знакомая походка, так хорошо ему знакомые кудрявые темные волосы и темно-карие глаза. Филипп не сводил с нее глаз. Несомненно, она направлялась именно к нему. Вот оно, мгновение, которого он ждал и боялся почти год.

Остановившись перед ним, полными слез глазами она посмотрела ему в лицо. Но это еще не все. Не было сомнений: в ее глазах сверкнула вспышка гнева, и прекрасное лицо обратилось в каменную маску.

— Филипп? — произнесла она едва слышно, и в ее устах его имя прозвучало как обвинение.

Ее голос был для него как удар кинжала в грудь. Он не слышал его... сколько? Три года! Все это время он лишь получал от нее письма, да и те потом где-то затерялись... все, кроме одного, которое хранилось у самого сердца в тот миг, когда выстрел свалил его со спины Алабастера и отправил в небытие.

Она стала старше и очень похудела. Печаль проложила едва заметные морщинки в уголках глаз. Ему было физически больно смотреть на нее. Она была так красива!

За эти три года он не раз мечтал о том, как они встретятся, но и вообразить себе не мог... Жаль, что так получилось. Как жаль...

Софи судорожно вздохнула. Филипп — мужчина, которого она так долго любила и которого считала погибшим почти весь прошлый год, — стоял перед ней: живой и даже здоровый.

Она сдерживалась изо всех сил — слезы, которые могли хлынуть в любой момент, жгли глаза.

— Это и в самом деле вы, — проговорила Софи.

С такого расстояния ей можно было рассмотреть каждую черточку его лица, знакомый изумрудный цвет глаз и крошечный шрам под губой, а еще почувствовать его запах: аромат мыла и сандала, отсылавший память совсем в другое время и в другое место. Казалось, это было сто лет назад.

А в следующее мгновение за ее спиной раздался невообразимый грохот. Софи подскочила и резко обернулась — как раз чтобы увидеть, как рухнул к ногам лакея тяжелый серебряный поднос, уставленный бокалами с шампанским. Сие возмутительное происшествие, казалось, заставило время остановиться. Когда Софи снова перевела взгляд на Филиппа, он показался ей незнакомцем, совершенно незрячим.

— Филипп? — Она опять произнесла его имя, вложив в интонацию всю боль и гнев, который бушевал в ее сердце. Ей хотелось дотронуться до него, ударить, встряхнуть...

Он не удостоил ее даже мимолетным взглядом. На лбу выступили бисеринки пота. Филипп продолжал упорно смотреть в дальний угол бального зала как загипнотизированный. Хорошенькая молодая женщина — леди Клейтон, кажется? — легонько коснулась его плеча.

— Все хорошо, Филипп.

Софи стиснула зубы. Все хорошо, значит? Неужели Филиппа так взволновало присутствие Софи, а леди Клейтон пыталась его успокоить? Она еще раз взглянула ему в лицо. Нет, он по-прежнему смотрел не на нее. Ужас ледяной рукой сжал ей сердце. Вот, значит, как? Филипп намерен ее игнорировать? Да будет так. Он оставил ее: все эти месяцы позволял думать, что его нет в живых, а теперь смотрел сквозь нее, и явно не на стену.

У Софи так и чесалась рука: залепить бы ему пощечину, или сделать еще что-нибудь непотребное, чтобы он пробудился от своей апатии. Но нет. Она не станет устраивать сцен или уподобляться оскорбленной деревенщине. Она выше этого. Она уже потеряла его однажды и сумела пережить потерю. Справится и теперь.

Собрав волю в кулак, Софи набрала полную грудь воздуха, расправила плечи, резко развернулась на каблуках, вздернула подбородок и пошла прочь. Если Филиппу Грейсону угодно игнорировать ее, делать вид, что она ничего для него не значит... что ж — она будет делать то же самое!

Глава 2

Софи ушла, но не вернулась к мачехе и остальной компании, а поискала взглядом Хью. Интересно, однако, почему Филипп приехал на бал в сопровождении лорда и леди Клейтон?

Решительным шагом Софи покинула бальный зал и по коридору направилась в дамскую комнату — к счастью, там никого не было. Она явно перенервничала: все тело сотрясала дрожь, желудок оказался где-то у горла — похоже, ее сейчас стошнит!

Ничто не предвещало этого кошмара, который был как удар в солнечное сплетение, когда она подняла голову и вместо Хью увидела Филиппа собственной персоной. Его ни с кем не спутаешь: высокий, с копной блестящих светлых волос и ярко-зелеными глазами. Этого мужчину она любила многие годы, а последние одиннадцать месяцев считала погибшим! В первую минуту, когда увидела его, она не знала, чего ей хочется больше: надавать ему пощечин или, напротив, сжать в объятиях. Ни то ни другое она не могла себе позволить.

Где, ради всего святого, он был все это время? И почему, ну почему не дал знать, что жив и здоров? Где-то в глубине души — доверчивой и наивной — ей хотелось верить, что он тут же схватит ее в объятия и все объяснит, но получилось почти наоборот. Филипп смотрел мимо нее, как будто вообще ее не

видел. И ухом не повел, когда она назвала его по имени, вообще не сказал ни слова. Или это самозванец? Но она могла чем угодно поклясться, что нет. Она слишком хорошо знала его лицо. Сомнений не было: конечно, это Филипп Грейсон, собственной персоной! Очевидно, однако, и другое: за эти три года он превратился в совершеннейшего незнакомца.

Подняв глаза, Софи принялась изучать собственное отражение в зеркале. Хорошо, что она сумела сдержать слезы — хотя бы этим могла утешиться. Видит бог, она могла расплакаться в любой миг. Удивительно, как это ей хватило сил, чтобы устоять на ногах! Она с трудом перевела дух. В голове завертелись прежние мысли. Что, скажите на милость, делает здесь Филипп? И где он был все это время? И зачем, ради всего святого, ему понадобилось, чтобы она думала, будто он мертв?

Эти вопросы громоздились один на другой. Возможно, стоило задать ему хотя бы один из них прямо сейчас? Но было слишком поздно. Да он бы и не ответил — учитывая его поведение. Софи оставалось лишь стоять перед ним с самым глупым видом в ожидании какого-то знака с его стороны, которого так и не последовало.

Нет, все-таки надо было дать ему пощечину! Это самое малое, чего он заслуживал после того, что устроил ей целый год ада. Но пощечина — неприличный поступок, недостойный, неправильный.

Софи отошла от зеркала, кусая кончик пальца. О боже! Впервые с того момента, как его имя слетело с уст леди Кранберри, она вдруг осознала ужасную истину. Пусть она и не дала ему пощечину, но что подумали прочие гости на балу при виде этой сцены с Филиппом? Она бросилась к нему, едва услышала имя, и получила от ворот поворот. А ведь только сегодня утром в газетах было объявлено о помолвке Софи с Хью Грейсоном, двоюродным братом Филиппа и наследником титула! Вот уж почешут языками светские сплетники, гадая, состоится ли ее свадьба с Хью теперь, когда объявился законный герцог?

Разумеется, ей теперь безразлично, что будет с ее помолвкой. Ей все стало безразлично с той ужасной минуты несколько месяцев назад, когда она узнала, что Филипп убит в Европе. Весь год Софи тихо оплакивала мужчину, которого любила, — не признавшись в том ни единой душе! — а тем временем Валентина, ее мачеха, настаивала, чтобы она нашла себе мужа. И на эту роль годился отнюдь не любой: уж точно не ниже герцога.

Какая торжествующая улыбка сияла на ее лице две недели назад, когда она сообщила, что отец и Хью подписали брачный договор! Разумеется, Софи и не догадывалась, что о помолвке объявят так скоро. Они даже не посоветовались с ней! Сообщение в утренних газетах стало для нее полной неожиданностью. Но, похоже, дорогая мачеха же-